

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Наш журнал открывает новую рубрику “Социологическая лаборатория”, в которой мы будем представлять текущие результаты и экспертные комментарии социологических исследований в формате своеобразного практикума. Полагаем, что нашему сообществу важно быть более информированным в отношении конкретного опыта социологических исследований в разных формах, методиках и подходах — количественных и качественных (case study), эмпирических и историко-контекстуальных, индивидуальных (включенного наблюдения), экспертных и массовых.

В последние десятилетия социология и близкие к ней дисциплины решительно развернулись в сторону качественных исследований. Существенно раздвигается сфера, где весь комплекс интеллектуальных практик, которые сегодня объединяются в “качественную парадигму”, находит все большее приложение. В отечественной социологии популярность качественных исследований неуклонно возрастает. В Украине качественные методы вошли в социологические практики прежде всего через маркетинговые исследования, а также международные социологические и культурологические проекты. Привлечение качественных методов в социологию становится неким модным движением, благотворным, поскольку мода, как известно, прививает вкус, но не ограждающим от профессиональной неразборчивости, поверхностного восприятия стандартов и риска скороспелости. Тем не менее сегодня в Украине уже накоплен опыт качественных исследований, который стоит подробного обсуждения как в плане понимания тенденций, особенностей и частностей жизни общества, так и в методологических контекстах. Небезынтересны технологии и методики, направленные на решение конкретных задач, ведь именно техническая сторона исследования часто остается не проговоренной в содержательных статьях. Целесообразно, на наш взгляд, восполнить этот пробел, в чем и состоит задача первого материала предлагаемой рубрики, посвященного тестированию шкалы культурной компетентности.

Второй материал “Опрос экспертов “Украинская социология — Ваше мнение”” представляет опыт организации и результаты, пожалуй, первого в нашей стране опроса экспертов, посвященного состоянию, проблемам и перспективам развития современной украинской социологии. Исследование проводилось с использованием новейших электронных коммуникаций (рассылка анкет по электронной почте экспертам-респондентам) — техника, предоставляющая новые, теперь уже вполне доступные (и малозатратные) возможности для проведения социологических исследований, по крайней мере экспертных. Новаторской видится идея исследования, осуществленного в жанре социологии социологии — саморефлексии экспертного социологического сообщества касательно развития нашей науки.

Надеемся, что публикация такого рода опытов на страницах журнала заинтересует читателей и будет способствовать привлечению наших социологов к процессу обмена текущими творческими достижениями.

УДК 316.722.303.6

НАТАЛИЯ КОСТЕНКО,

*доктор социологических наук, профессор,
заведующая отделом социологии культуры
и массовой коммуникации Института социологии
НАН Украины*

ЛЮДМИЛА СКОКОВА,

*кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник отдела социологии
культуры и массовой коммуникации
Института социологии НАН Украины*

Тестирование шкалы культурной компетентности (CQS): украинская аудитория

Аннотация

В публикуемом материале приводится полный отчет об исследовании, имевшем весьма конкретную задачу — протестировать на малых выборках шкалу культурной компетентности, или культурного интеллекта (The Cultural Intelligence Scale), которая используется в социальных науках для измерения способности индивида эффективно работать в иной культурной среде, в разных межкультурных ситуациях. Данный инструмент разработан американскими исследователями и апробирован в основном на группах лидеров в сфере менеджмента и бизнеса в западных странах. В последнее время активно проводятся исследования трансфербельности (возможности перемещения и использования данной методики) в других регионах, в частности в Украине.

Валидизация шкалы культурного интеллекта (CQS) в Украине предполагает прохождение нескольких этапов. Учитывая полисемантическую концептуальность термина “культурный интеллект”, неоднозначность его перевода на русский и украинский языки, а также специфику восприятия жителями Украины других культур, их установок на межкультурное взаимодействие, в первую очередь целесообразно адаптировать измерительный инструмент (CQS) для адекватного применения в репрезентативном опросе. С этой целью осуществлено качественное социологическое исследование, результаты которого представлены в данной статье.

Ключевые слова: *кросс-культурная компетентность, тестирование шкалы культурного интеллекта (CQS), адаптация шкалы культурного интеллекта (CQS), валидизация, фокус-групповое исследование, малая выборка*

Методология исследования

Академические исследования кросс-культурных процессов и состояний в терминах “культурного интеллекта”, артикулирующего рациональную обоснованность культурного знания и культурных взаимодействий, в Украине фактически не проводились. В то же время концепт “культурная компетентность”, понимаемая как производное “культурной образованности” и “культурной чувствительности”, используется украинскими социологами достаточно широко в объяснении межкультурной коммуникации и культурного участия населения [Соціокультурні ідентичності та практики, 2002; Медіа. Демократія. Культура, 2008; Субкультурна варіативність, 2010]. Применяют эту терминологию в исследованиях менеджмента и бизнеса, ссылаясь, прежде всего, на идеи Г.Хофстеде [Hofstede, Hofstede, Min-kov, 2010; Хофстеде, 2002; Буко, 2006].

Концепт “культурный интеллект” (cultural intelligence) получил распространение в социальных науках с 2003 года и определяется как “способность индивида функционировать и эффективно управлять в иной культурной среде” [Ang, 2008: p.3]. Коэффициент культурного интеллекта, обозначаемый CQ (cultural quotient) по аналогии с коэффициентами интеллекта IQ и эмоционального интеллекта EQ представляет выраженность специфической формы интеллекта, который помогает индивиду эффективно сотрудничать в мультикультурной среде (см. подробнее на сайте: <http://www.culturalq.com/research.html>). Шкала культурного интеллекта (Cultural Quotient Scale, CQS) разработана как измерительный инструмент американскими исследователями и апробирована в основном на группах лидеров в западных странах. В дальнейшем апробация и тестирование шкалы, а также тренинги персонала по повышению уровня культурного интеллекта распространились и на другие территории и регионы [Van Dyne, Ang, Koh, 2008; Ang, Van Dyne, Tan, 2011; Livermore, 2010; House, Hanges, Javidan, Dorfman, Gupta, 2004]. В последнее время активно проводятся исследования по трансферабельности — возможности перемещения и использования данной методики во все большем кругу стран с различными культурами [Goh, 2009]. Благодаря усилиям доктора Бойда Джонсона, сотрудника докторской программы по организационному лидерству в Indiana Wesleyan University [Barnes, Johnson, Buko, Kostenko, s.a.], апробация шкалы культурного интеллекта впервые проводится и у нас, Институтом социологии НАН Украины¹.

¹ Исследование осуществляется в рамках совместного проекта отдела социологии культуры и массовой коммуникации, отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАНУ и Программы исследований лидерства Indiana Wesleyan University “Cross-cultural competency and cultural intelligence: a case study in Ukraine”. Участники проекта: Б.Джонсон, Дж.Барнс, С.Буко, Е.Головаха, А.Стегний, Н.Костенко, Л.Скокова, Т.Никитина, Е.Ивашенко.

Мы не касаемся в данном случае теоретических и методологических дискуссий относительно релевантности концепции “культурного интеллекта” [Хухлаев, 2010]. Основываясь на важности изучения проблем межкультурной коммуникации в современном мире и необходимости совершенствовать технологии кросс-культурных проектов, ограничим исследование конкретными, частными задачами.

Валидизация шкалы культурного интеллекта (CQS) в Украине предполагает прохождение нескольких этапов. Учитывая полисемантическую концепта “культурный интеллект”, неоднозначность его перевода на русский и украинский языки, а также специфику восприятия жителями Украины других культур, их установок на межкультурное взаимодействие, целесообразно адаптировать измерительный инструмент CQS для адекватного применения в репрезентативных опросах. С этой целью осуществлено качественное социологическое исследование [Якісні дослідження в соціологічних практиках, 2009], результаты которого представлены в данной статье.

Цель качественного этапа исследования: установить содержательную валидность шкалы культурного интеллекта (CQS) и адаптировать ее для использования в репрезентативном опросе.

Задачи исследования:

- определить дифференцирующую способность CQS, ее блоков и отдельных вопросов применительно к украинской аудитории;
- описать общую картину восприятия шкалы культурного интеллекта на основании реакций участников на опросник и последующего его обсуждения;
- выявить барьеры в восприятии и понимании вопросов CQS украинскими участниками, особенности их установок на межкультурное взаимодействие;
- установить границы интерпретации отдельных вопросов и блоков и уточнить приемлемые формы перевода суждений опросника, формулировки отдельных вопросов.

Метод: фокус-групповые дискуссии. Релевантность метода обусловлена рядом причин: 1) дискуссии позволяют выявить понимание участниками проблем межкультурного взаимодействия и их интерпретации вопросов CQS; 2) в присутствии других членов группы участники в своих высказываниях ориентируются как на личные оценки, так и на нормы и образцы доминирующей культуры; 3) дискуссия отчасти “моделирует” ситуацию межкультурного взаимодействия, поскольку в ней участвуют люди разного пола, возраста, образования, дохода, этнической принадлежности (русские, украинцы).

После подготовительного этапа и разработки инструментария исследования были проведены две фокус-группы (ФГ) с представителями “общей публики” (“general public”, GP) и “лидеров”, работающих в различных неправительственных организациях (L). Группа “лидеров” выступала своеобразной “контрольной группой”, поскольку шкала CQS изначально предполагает оценку лидерства. Фокус-группы проведены 5 июля 2012 года в Киеве¹.

¹ Благодарим за организацию проведения фокус-групп В.А.Чирок.

Структура групп:*Таблица 1а***Композиция ФГ “общая публика”**

Код участника	Имя, возраст	Пол	Возрастная группа	Образование	Доход	Были за границей
GP1	Жанна, 28	женщина	18–40	высшее	средний	да
GP2	Дмитрий, 18	мужчина	18–40	среднее	ниже среднего	да
GP3	Наталья, 55	женщина	55+	среднее	средний	нет
GP4	Малика, 19	женщина	18–40	среднее	ниже среднего	нет
GP5	Анатолий, 44	мужчина	41–54	высшее	средний	да
GP6	Игорь, 37	мужчина	18–40	среднее	средний	да
GP7	Александр, 46	мужчина	41–54	высшее	ниже среднего	да
GP8	Светлана, 43	женщина	41–54	среднее специальное	средний	да

*Таблица 1б***Композиция ФГ “лидеры”**

Код участника	Имя, возраст	Пол	Возрастная группа	Образование	Доход	Были за границей
L1	Татьяна, 54	женщина	41–54	высшее	ниже среднего	да
L2	Лариса, 53	женщина	41–54	высшее	средний	да
L3	Александр, 19	мужчина	18–40	высшее	выше среднего	да
L4	Елена, 27	женщина	18–40	высшее	ниже среднего	да
L5	Дмитрий, 56	мужчина	55+	высшее	средний	да
L6	Таня, 62	женщина	55+	высшее	ниже среднего	да
L7	Олеся, 33	женщина	18–40	высшее	выше среднего	да
L8	Юрий, 31	мужчина	18–40	высшее	выше среднего	да
L9	Алексей, 38	мужчина	18–40	высшее	выше среднего	да

Ситуация, в которой проходили фокус-группы, отличается двумя особенностями, имеющими отношение к межкультурному взаимодействию. Во-первых, в Киеве непосредственно перед этим закончился чемпионат Европы по футболу (ЕВРО-2012), что актуализировало тему межкультур-

ной коммуникации для участников. Во-вторых, в парламенте Украины обсуждался в это время закон “Об основах государственной языковой политики”, вызвавший бурную реакцию его сторонников и противников среди участников фокус-групп, что существенным образом отразилось на настроениях в группе “лидеров”, эмоционально высказывавших по этому поводу очень разные точки зрения перед началом дискуссии.

Сегментация пространства “культурного интеллекта” в украинской аудитории (дифференцирующая способность CQS)

Для фиксации спонтанной реакции участников на тест CQS *перед началом проведения фокус-группы*, то есть до процедуры знакомства и объяснения задач фокус-группы, участников попросили заполнить опросник по культурному интеллекту. Предлагались на выбор два варианта опросника — с переводом на русский или украинский язык в связи с ситуацией реального двуязычия в Украине (см. Приложение А). Перечень тестовых вопросов сопровождался 7-балльной шкалой, где 1 — совершенно не согласен, 7 — полностью согласен.

Полученный массив данных (17 анкет) обрабатывался в пакете SPSS. В качестве рабочего инструмента, позволяющего произвести группировку данных, использовался анализ соответствия (correspondence analysis). Его результаты скорее иллюстративны ввиду незначительного количества респондентов, однако они свидетельствуют о дифференцирующей способности CQS применительно к украинской аудитории и могут быть полезны для выдвижения гипотез в репрезентативном опросе.

Согласно ответам участников на вопросы CQS выделяются три сегмента, ориентированных на разные стили межкультурного общения (см. Приложение А, рис. 1). В одном из сегментов преобладают ориентации на *прагматический*, или *поведенческий стиль* (Pragmatic & behavioral style). Здесь очевиднее фиксируются установки поведенческого блока, наиболее дифференцирующего украинскую аудиторию (см. Приложение А, рис. 2), — на изменение в ситуации взаимодействия выражения лица, вербального и невербального поведения, темпа речи. Данный стиль характерен для половины всех участников — как для “лидеров”, так и для представителей “общей публики”. По возрасту, полу, образованию и доходу нет ярко выраженных различий. Последующий анализ дискуссии подтверждает, что большинство этих участников склонны ориентироваться на практический результат в межкультурном общении, учитывать особенности конкретной ситуации; часть из них приводят примеры удачного, эффективного общения с представителями других культур, адаптации своих знаний в процессе взаимодействия.

Второй сегмент отличают установки когнитивного плана (знание языковых правил, знание ценностей и норм другой культуры), метакогнитивного плана (осознание своих культурных знаний при взаимодействии, проверка точности знаний о других культурах), мотивационного плана (удовольствие от общения с людьми других культур, что характерно для всех сегментов). Речь идет о ценностно-культурном *стиле* (Value cultural style). Такие ориентации (на приятное общение, основанное на знании культурных традиций, обычаев, особенностей языка) характерны для участниц-женщин молодого возраста с высшим образованием.

Среди установок третьего сегмента, где преобладает, условно говоря, *проективный стиль* (projective style), присутствуют элементы мотивационного, когнитивного и метакогнитивного блоков. Из мотивационных реакций: уверенность в отношении возможности справиться со стрессами, привыкания к правилам торговли, удовольствия от пребывания в незнакомой культуре, нахождения общего языка с ее представителями. Среди когнитивных элементов присутствует уверенность в знании экономических и правовых систем, а также — менее выражено — в знании правил невербального поведения. Среди метакогнитивных элементов: уверенность в осознанном применении культурных знаний в кросс-культурном взаимодействии (менее дифференцирующий элемент) и в приспособлении/адаптации культурных знаний во взаимодействии с людьми иной культуры (более дифференцирующий элемент). К данному стилю более склонны “лидеры”. Последующий анализ дискуссии показывает, что многим из них свойственны экспрессивность в отстаивании своих представлений, живое воображение, апелляция к примерам как из реального опыта, так и осмысления опыта других, широкий кругозор. Стиль реакций этой группы на тест CQS стоит назвать *проективным*, когда общение с другими культурами осмысливается скорее на основе проигрывания взаимодействия с “воображаемым другим”. Результат же такого взаимодействия не может не быть позитивным, учитывая общий запас знаний, уверенность в своих возможностях, дружелюбие, открытость, приписываемые участниками себе.

Пространство размещения стилей “культурного интеллекта” измеряется осями “**Рефлексия vs Взаимодействие**” и “**Прагматичность, ситуация vs Ценности, традиция**” (см. рис. 1 в Приложении А).

Фокус-групповые дискуссии, интерпретация результатов

Общая оценка опросника

Общее впечатление участников о тесте CQS после его заполнения преимущественно негативное. Участники безусловно признают важность и актуальность проблем межкультурного общения, но возникают проблемы, связанные с пониманием содержания вопросов (в частности, вследствие языкового барьера, поскольку вопросы представлены на английском языке), а также в связи с формой предложенного опросного листа.

Содержание вопросов: большинство участников удивлены слишком большим количеством вопросов, которые, по их мнению, дублируют друг друга по смыслу, отличаются тавтологиями, запутанностью и непонятностью. В основе подобного неприятия лежат несколько факторов *психологического, когнитивного и ценностного* свойства.

Принуждение к рациональному действию. По ощущениям респондентов, содержание опросника предполагает, что человек должен внимательно следить за собой, отслеживать малейшие нюансы своего поведения, своего запаса знаний, непрерывно их проверяя, сопоставляя, критично оценивая. Такая деятельность часто оценивается в ходе дискуссии как бессмысленная, ненужная. Хотя участники в реальной жизни следуют стратегиям и тактикам кросс-культурного взаимодействия, которые перечислены в опроснике (как видно из рассказанных ими далее, по ходу обсуждения, примеров), но ранее они не задумывались о возможности подобной артикуляции, рефлексии своих действий и опыта. Таким образом, полученное в ходе за-

полнения опросника относительно новое знание о необходимости осознанного мониторинга своих практик в ситуации межкультурного общения могло вызвать *когнитивный диссонанс* и отторжение опросника в целом.

Необходимость критической самооценки. CQS постулирует возможность полного согласия с перечисленными суждениями, что ассоциируется для респондентов с некими “самыми правильными”, “одобряемыми”, “идеальными” ответами, которых они не в состоянии дать по разным причинам. Их раздражает категоричность формулировок “я знаю”, “я уверен”. Столь радикальные утверждения считаются неуместными, поскольку “невозможно в принципе кому-либо знать все обо всех культурах мира”. В обсуждении участники используют такие выражения, как “*больше всего страшит это “я знаю”*”; “*я знаю, знаю, знаю совсем не подходит*”. Опасение принимать на себя такую ответственность, заявляя “согласен, я знаю”, и одновременно нежелание признаваться в своей интеллектуальной несостоятельности в случае выбора ответа ближе к вариантам “не согласен, что я знаю” может породить реакцию отторжения опросника.

Подавление естественных реакций. Неприятие вызвали утверждения поведенческого блока. Респонденты часто указывают на то, что многие действия в ситуации общения происходят автоматически (“*мы ведь не отслеживаем, как мы дышим или ходим*”). Соответственно, идея контроля невербального и вербального поведения представляется, во-первых, абсурдной; во-вторых, близкой к технологиям *манипуляции*, что не согласуется с декларируемыми традиционными утверждениями о главенстве таких человеческих качеств, как дружелюбие, открытость, искренность, в установлении контакта с представителями других культур.

Форма опросника. Утверждения теста были представлены респондентам в виде таблицы из 20 строк, распечатанных на листе формата А4, с расшифровкой позиций шкалы (1 — совершенно не согласен, 7 — совершенно согласен) один раз, сверху таблицы, что вызвало визуальные затруднения, а в двух случаях — пропуск ответа (строки сливались, позиции шкалы забывались).

Большая часть участников высказывались в пользу того, что можно сократить количество позиций шкалы до пяти и даже трех и вербализовать каждый пункт шкалы. Это, по их мнению, облегчило бы заполнение опросника. Многие жаловались, что им было трудно определить разницу между позициями шкалы, например, между 4 и 5, между 5 и 6, и выбор они совершали, по их признанию, не очень обоснованно.

В группе “общая публика” было больше жалоб на усложненность формулировок вопросов: “*Я несколько раз тот же вопрос перечитывала, чтобы понять, что конкретно там. Сложно сформулировано. То есть можно более простым языком, доходчивым, это все*” (GP8, ж., 43).

МЕТАКОГНИТИВНЫЙ БЛОК

Восприятие формулировок вопросов¹

MC1 I am conscious of the cultural knowledge I use when interacting with people with different cultural backgrounds.

¹ Предлагаемые в результате обобщения результатов фокус-группы переводы см. в Приложении В.

MC2 I adjust my cultural knowledge as I interact with people from a culture that is unfamiliar to me.

MC3 I am conscious of the cultural knowledge I apply to cross-cultural interactions.

MC4 I check the accuracy of my cultural knowledge as I interact with people from different cultures.

Метакогнитивный (metacognitive, MC) блок CQ оказался наиболее сложным для точного понимания, так как рефлексия по поводу своих знаний и практик межкультурного взаимодействия не свойственна большинству респондентов, по их утверждениям. Хотя в описании своего опыта они нередко ссылаются на подобную рефлексивную работу.

Дискуссию вызвали следующие слова и фразы:

а. Утверждения рефлексивных действий “*I am conscious*” (я отдаю себе отчет, осознаю), “*I adjust*” (я согласовываю, адаптирую), “*I check*” (я проверяю, уточняю) воспринимаются частью респондентов с недоумением, поскольку, как они полагают, если человек и делает это, то скорее автоматически или даже подсознательно. Рационализация таких действий как неких отдельных процедур считается непонятной, странной, ненужной. Неприемлем также и акцент на *инструментальном* характере такого рода межкультурного общения, которое на самом деле, по мнению большинства, должно происходить “по доброй воле” и при “взаимной открытости”. “*А мы как бы о компьютерах говорим [а не о людях]*” (L4, ж., 27).

б. Выражение “*cultural knowledge*” (культурные знания) не понравилось многим из-за его непривычности для нашего слуха и речи. Лучше, считают респонденты, говорить о “знании культуры”, “знании о культуре”, “знании особенностей культуры”. Выражение “*свои культурные знания*” трактуется, как правило, применительно к другим культурам, другим странам. В то же время, оно может пониматься и как “общий культурный запас”, основанный на интернализации образцов “своей”, “отечественной” культуры (сошлемся на рассказ респондентки о том, как свойственные украинцам черты — умение хорошо готовить, хозяйственность, дружелюбие — помогли ее матери завоевать расположение хозяев, на которых она работала во время трудовой миграции в Польше).

с. Выражение “*different cultures*” (разные культуры) расценивается как неопределенное, слишком общее. Чаще всего оно истолковывается как указание на культуру других стран, других народов и их представителей (иностранных, зарубежных гостей, местных жителей или граждан других стран, где мы находимся как туристы, гости). Участникам не хватает хотя бы самых общих уточнений, какая именно культура имеется в виду (европейская, азиатская и т.д.), они полагают, что в этом случае их ответы были бы более уверенными. В то же время некоторые респонденты связывают выражение “*different cultures*” с культурными различиями внутри страны, социума, указывая на культуры этнических меньшинств, региональные культуры, субкультуры, культуры разных поколений, профессиональные культуры, хотя и не считают, что опросник подходит для изучения таких культур.

д. Выражение “*cross-cultural interactions*” (межкультурное взаимодействие) показалось участникам слишком формальным, официальным, не схватывающим специфику человеческого общения.

Восприятие содержания вопросов

Обсуждение начиналось с просьбы модератора обосновать важность межкультурного общения, раскрыть его преимущества. К этой проблематике участники постоянно возвращались и в ходе последующей дискуссии. Их высказывания, ответы на вопросы позволяют выделить аргументацию, основания, позиции, на отстаивании которых и строились последующие уточнения формулировок теста. Для удобства восприятия представим эти позиции в виде дихотомий, особых осей измерения, указывающих на амбивалентность установок респондентов по отношению к “другим культурам”, которая корректируется ситуацией и контекстом межкультурного взаимодействия. Основные из этих дихотомий проинтерпретированы на основе количественной обработки данных теста как “Рефлексия vs взаимодействие” и “Прагматичность, ситуация vs ценности, традиция” (см. Приложение А, рис. 1). Фокус-групповые дискуссии разъясняют их и уточняют.

Рефлексия vs автоматизм реакций служит “методологической” дилеммой для респондентов, о которой уже шла речь выше. Большинство респондентов, с их слов, не приемлют рациональный контроль над ситуацией межкультурных контактов, инструментальное использование своих знаний о других культурах, полагая, что человеческое общение должно быть основано на “добрых намерениях”, желании понять других, открытости.

Политкорректность vs аутентичность. Как и в любом другом обществе, в украинском социуме функционирует множество этнонациональных стереотипов и предубеждений. Участники упоминают о лени американцев, медлительности шведов и финнов, грубости россиян, доброжелательности украинцев как о чем-то само собой разумеющемся. В то же время едва ли не основной аргумент в пользу важности межкультурного общения состоит для них в том, что в *любой культуре* можно почерпнуть много нового и интересного, что такое общение обогащает, духовно развивает, открывает новые перспективы.

Образец взаимодействия культур, к которому надо стремиться, — это мирный, дружеский способ сосуществования и общения, как в примере с армянским кварталом в Одессе (GP5, м., 44). Конечно же, участники осведомлены о многочисленных конфликтах на национальной, этнической, языковой, расовой почве в нашей стране и за ее пределами. И хотя эта тема специально не обсуждалась, можно найти указатели неприятия такого рода событий или их аутентичной юмористической интерпретации (со ссылкой, например, когда после футбольного матча российские болельщики запустили бананом в легионера африканского происхождения).

В группе лидеров первоначальная перепалка по поводу статуса украинского и русского языка в последующем служила для участников напоминанием о возможных конфликтах, когда ни одна из сторон не хочет отказываться от своей позиции. Эмоциональное, аутентичное желание оппонентов доказать свою правоту погасало воспитанностью, нежеланием обидеть другого, выглядеть спорщиком среди новых знакомых. В отношении представителей других культур действует тот же образец: политкорректность и подлинность общения могут находиться в диссонансе.

Политическая нация vs мультикультурность. Метакогнитивный блок CQS ориентирует респондентов на понимание “другой культуры” как куль-

туры “другой нации”, “другой страны”. В этом случае они ставят акцент на важности политической нации, гражданства, которое и определяет национальную идентичность человека в глазах представителей других стран. Иными словами, *“неважно, что Зинедин Зидан африканского происхождения, важно, что он — великий француз!”* (L5, м., 54). В то же время некоторые респонденты требуют и большей внимательности к мультикультурной среде, характерной для многих стран (*“в Украине живут татары, гуцулы, венгры, евреи, поляки, в Грузии — абхазцы, мегрелы, осетины”*, имеющие свою культуру). Однако более привычной культурной единицей остается страна и политическая нация.

Ближние культуры vs далекие культуры. Несмотря на то, что участники декларируют ценность и значимость любой другой культуры, для них важно понять, о каких именно культурах идет речь — американской, мусульманской, китайской, африканской и т.д. Подразумевалось, что есть культуры более *ближние* (славянские, европейские), которые не очень сильно отличаются от нашей, и есть культуры *далекие*, непохожие, знаний о них у нас меньше. Обобщенный же подход, по мнению респондентов, не дает никакой информации об *уровне знаний*. Тем самым участники обнаруживали существование в их сознании некой иерархии культур по оси *ближние–далекие* (на дистанции, продуцирующей как интерес, так и некоторые опасения).

Политическая нация vs этноцентризм. Обосновывая важность межкультурных контактов, участники апеллируют к таким универсальным смыслам, как необходимость установления взаимопонимания между людьми (невзирая на их этническую, национальную принадлежность), на важность открытости, дружелюбия, человечности, уважения к другому человеку, какой бы культуры он ни был.

При этом, настаивая на необходимости видеть в представителях других стран, других культур прежде всего таких же людей, как и мы, украинцы, участники неосознанно демонстрировали свои этноцентрические установки (то есть сравнивали Других с Нами, а не Нас с Другими), элементы группового фаворитизма.

“Це ж ті самі люди, просто інша нація. Такі самі люди, як ми” (GP1, ж., 27). *“Ты должен всегда помнить о том, что он не хуже тебя — вот это самое главное”* (L6, ж., 62).

Открытость vs закрытость. Участники охотно говорят о преимуществах межкультурного общения: приобретении новых интересных знаний, расширении кругозора, возможности общаться с доброжелательными, открытыми людьми. Это духовно обогащает человека, способствует установлению новых контактов, приобретению друзей (примеры с проведением Евро-2012 в Украине).

“І тому мені цікаво пізнавати інші культури і, можливо, мені просто щастить, але я бачу людей відкритих і готових завжди допомогти. І я пізнаю добру сторону культури, і таким чином, я можу розширити свій кругозір” (L4, ж., 27).

“[Міжкультурне спілкування] робить людину духовно багатшою. Вона спілкується, вона щось почерпнує з чужої культури, вона намагається зблизитися” (L5, м., 56).

Явных примеров закрытости, дистанцирования практически не было. Сама тема и атмосфера дискуссии к этому не располагали. Встречались лишь отдельные фразы (“беженцы всякие”, “евреи те же”), юмористические

описания ситуации межкультурного брака (рассказ о приходе в семью зятя-китайца) или надуманных страхов знакомых по поводу процветающего воровства в соседней стране, что свидетельствует о существовании этнокультурного дистанцирования в обществе.

Приспособление как дар vs приспособление как польза. В рассуждениях, посвященных важности приспособления к Другому в межкультурной ситуации, можно выделить такую ось измерения, как *гуманизм и практичность*.

В первом случае хорошее отношение к Другому объясняется через отсылку к универсальным ценностям: “...бо це люди. Вони приїхали до іншої держави — треба поважати їх” (GP1, f., 28). Иначе говоря, необходимо бережно относиться к их обычаям, традициям, стараться быть гостеприимным, ничего не требуя взамен, не ожидая особых похвал. Сам факт того, что ты сделал людям приятное, служит вознаграждением:

“Угождать обязательно нужно людям. У нас был приём, участвовали и люди-мусульмане. И хорошо, что на приём готовилась пища, такая, что можно угостить и их. Потому, что они не ели свинину, говядину и так далее. Была курица — вот это было счастье. Нашлось чем угостить, они были просто в восторге, что покушали, были не голодные. И мы уважили их культуру, не навязали то, что они не едят. ...То есть, мы мягко к ним подошли. Они это с благодарностью восприняли” (GP8, ж., 43).

“Приїжджаючи в якусь країну, ми будемо робити так, щоб їм було приємно. Наприклад, от ми з французами, я щось там по-французьки навмисно вчив ноччю” (L5, м., 56).

Вторая возможность — извлечь для себя некую пользу (не обязательно материальную, практическую) из общения. Это могут быть новые впечатления, новый опыт, сравнение своих традиций и чужих, но осмысливаются они в инструментальном ключе. Уважительные отношения в таком случае могут трактоваться и как позволяющие получить практический результат, решение определенных проблем, при этом практичность не противоречит гуманизму.

“...Ти просто побачиш, як там люди живуть — які в них ідеали, цінності і як у нас — можливо щось запозичити, щось взяти” (GP2, м., 18).

“Ты должен всегда помнить о том, что он не хуже тебя — вот это самое главное. Если ты будешь: ага, вот он такой-сякой, не будет общих тем, не будет нормального решения вопросов тех, которые нужно решить” (L6, ж., 62).

В целом обсуждение позиций первого блока CQS свидетельствует о наличии метакогнитивных практик в опыте респондентов и одновременно несвойственности их публичной артикуляции.

КОГНИТИВНЫЙ БЛОК

Восприятие формулировок вопросов¹

COG1 I know the legal and economic systems of other cultures.

COG2 I know the rules (e.g., vocabulary, grammar) of other languages.

COG3 I know the cultural values and religious beliefs of other cultures.

COG4 I know the marriage systems of other cultures.

COG5 I know the arts and crafts of other cultures.

COG6 I know the rules for expressing non-verbal behaviours in other cultures.

¹ Предлагаемые переводы см. в Приложении В.

В когнитивном (cognitive) блоке дискуссию вызвали следующие слова и фразы:

а. Большинство респондентов не готовы взять на себя смелость категорично и самонадеянно утверждать “я знаю” (I know), когда речь идет о разных сторонах жизни других народов, и не считают, что это возможно для кого-либо вообще. Им более импонирует пассивное “мне известно”, “мне знакомо” или “я слышал”, “я ознакомлен”, “я сталкивался”, “я осведомлен”, “я имею представление”.

б. В контексте знания экономики, права, языка “*другие культуры*” (othercultures) воспринимаются большинством как “другие страны”.

с. Определения предмета знания через “*правила*” (rules) или “*системы*” (systems) разных культурных институтов воспринимаются большинством респондентов как слишком общие, формальные, официальные и требуют уточнений или разъяснений. Уместнее, по их мнению, спрашивать людей об “особенностях правовых и экономических систем”, “особенностях брачных систем” (“систем брачных отношений”, “брачных традиций”).

д. То же касается суждений о знании языков, которые, по мнению респондентов, уместно конкретизировать (романо-германские, восточные и т.д.) и говорить не о знании *правил других языков* на примере грамматики и лексики (тем более, что лексика, как замечают респонденты, “не относится к правилам”), а о “*владении иностранными языками*”. Суждение о “*правилах невербального общения*” следует уточнить дополнением в скобках “(например, мимика, жесты)” или заменить на “*знание языка жестов, принятого в других культурах*”.

Восприятие содержания вопросов

Объективность vs субъективность. Респондентов беспокоила невозможность установить объективный критерий объема знаний и несопоставимость оценок в ответах разных лиц: “*Мій рівень знання в десять раз менший, ніж рівень знання Дмитра, а поставимо однакову оцінку, і у висновку посчитують однаково. Сенс такого опитування?*” (L3, м., 19). Единичные мнения о том, что исследователей, вероятно, больше интересует не уровень знаний, а *субъективные оценки* уровня знаний, не сняли этого беспокойства. Там же, где не возникает проблема “объективной оценки”, суждения воспринимаются заметно адекватнее (позицию MOT1 из мотивационного блока респонденты назвали “единственной нормальной”).

Конкретность формулировок vs обобщенность формулировок. Слишком расширенный объем понятий “правила” и “системы” вызывает очевидный дискомфорт участников, которым хотелось бы “конкретизировать”, “указать конкретно” предмет знания, о котором их спрашивают. К тому же невозможность уловить, на изучение и решение каких проблем направлен опросник (уровня толерантности, уровня расизма, уровня знаний — языка, традиций, жестов и т.д.), вызывает у некоторых определенную подозрительность в отношении истинной цели исследования (“*Они вас разводят специально, они молодцы, они все знают*”, L5, м., 56).

Микроуровень межкультурного взаимодействия vs макроуровень межкультурного взаимодействия. Респонденты не понимают, о каком уровне межкультурного взаимодействия идет речь. Мысленное представление гигантского многообразия культур с их ценностями, религиями, традициями, языками и одновременное осознание проблематичности разобрать-

ся с убеждениями, верованиями, ценностными ориентациями даже на индивидуальном уровне порождают у них чувство недоумения при попытке понять смысл суждений данного блока и найти им применение в собственном жизненном опыте.

“Культурні цінності” — це трішки таке, мені здається, особистісне. Тому що, як сказали, в одній сім’ї можуть бути різні культури. А якщо говорити за такий величезний масштаб, так там тим більше. Мені здається, воно занадто таке особистісне, і воно не може стосуватись міжкультурного величезного спілкування” (GP2, м., 18).

Процесс познания vs результат познания. Усвоение знаний — бесконечный процесс, тем более, если он касается неопределенно большого количества культур, языков, стран, народов. Предлагаемые суждения воспринимаются так, как если бы человек завершил процесс познания и самоуверенно сообщает о его результате (я знаю!). Такая самонадеянность вызывает ироническое отношение. Отсюда стремление участников указать на незавершенность процесса, сужение объема понятий.

Наличие опыта контактов с другими культурами vs отсутствие опыта. Были замечания о том, что люди, которые имеют опыт межкультурного общения, и те, у кого он отсутствует, будут воспринимать многие вопросы по-разному. Подобный опыт приобретается, в частности, во время путешествий, туристических поездок в другие страны. Для большинства людей Украины эти поездки недоступны в связи с ущемленным экономическим положением семей.

“Але на це потрібні кошти, а коштів як більше всіх, то що я хочу сказати, у наших людей, у наших людей з тої пенсії, котру отримують наші пенсіонери, то вони нікуди не пойдуть. Хоть би їм хватило на хліб, молоко і заплатити за квартиру” (L6, ж., 62).

Как показывают данные заполнения CQS респондентами, суждения Когнитивного блока получают наиболее низкие оценки степени согласия (Приложение С).

МОТИВАЦИОННЫЙ БЛОК

Восприятие формулировок вопросов

MOT1 I enjoy interacting with people from different cultures.

MOT2 I am confident that I can socialize with locals in a culture that is unfamiliar to me.

MOT3 I am sure I can deal with the stresses of adjusting to a culture that is new to me.

MOT4 I enjoy living in cultures that are unfamiliar to me.

MOT5 I am confident that I can get accustomed to the shopping conditions in a different culture.

Дискуссию вызвали следующие слова и фразы мотивационного (motivational) блока:

а. Утверждение *“я уверен”* (am sure) (MOT2, MOT3, MOT5) отталкивает респондентов категоричностью (непонятно, на чем должна базироваться такая уверенность, особенно если у человека нет подобного опыта). Уместнее, по их мнению, использовать в суждениях сослагательное наклонение

(“мог бы” общаться, привыкнуть, справиться) или субъективные оценки (“я думаю, что могу общаться”, “я считаю, что могу общаться”).

b. В выражении “socialize with locals” (*общаться с местными жителями*) (MOT2) некоторые респонденты усматривают пейоративный оттенок, схожесть с понятиями “туземцы”, “аборигены”, которые ассоциируются с колониализмом, историями о примитивных народах и культурах. Предлагается говорить об общении с “людьми местной культуры” или заменить суждение на “я готов общаться с жителями незнакомой мне страны”.

c. Суждение MOT3 в редакции “общей публики” выглядит как “Я думаю, что могу справиться со стрессами, пребывая в незнакомой для меня культурной среде”.

d. Выражение “I enjoy living” (*мне нравится жить*) (MOT4) более приемлемо в сослагательном наклонении (“мне бы понравилось жить”) или требует замены глагола “жить” на глагол “находиться”, поскольку “жить” ассоциируется с эмиграцией, переездом в другую страну на постоянное место жительства: “*Пять дней, или неделю или всю жизнь — то есть это разные вещи*” (GP8, ж., 43).

e. Если спрашивается об особенностях шоппинга, то, по мнению респондентов, уместнее говорить про “другую страну”, а не про “*другую культуру*” (MOT5).

Восприятие содержания вопросов

Интровертность vs экстравертность. Обращалось внимание и на необходимость учитывать психологические особенности людей, ведь экстраверты легко устанавливают контакт с людьми и своей, и иной культуры, более коммуникабельны в отличие от интровертов:

“Есть люди, которые не могут так вот общаться, с незнакомым человеком. Не то, что с другой культурой. Посмотрите, сколько у нас людей вокруг, да вы что” (GP8, ж., 43). *“У одного получается общаться, у другого — не получается”* (L9, м., 38).

С этим измерением связана и дилемма “*страх перед общением vs смелость общаться*”. Способность наладить общение в незнакомом культурном окружении требует умения не поддаваться страху, смелости как психологической черты личности: *“... есть страх перед общением или нет. Если у человека нет страха этого, даже если не знаешь языка, то можно утверждать, что я могу общаться. А если...”* (GP3, ж., 55).

Жесткая стилистика vs мягкая стилистика. Тяготение к смягчению формулировок (“думаю, что смогу” и пр.) указывает на желание оставить путь к отступлению, отказ от радикальных утверждений: *“Да, лучше вот так, мягенько”* (GP8, ж., 43). Оценка проективной ситуации неудачного межкультурного общения “не получилось, как я рассчитывал” выглядит лучше той, когда человек с уверенностью заявляет, что сможет общаться, а из этого ничего не выходит. Возможно, действуют психологические зажимы, связанные со страхом “потерять лицо”, выглядеть глупым и самоуверенным.

Политкорректность vs аутентичность. Страх может провоцироваться и действием стереотипов, связанных с опасениями неудачи в ситуации межкультурного взаимодействия с представителями “далеких”, малознакомых культур (попав в негритянский квартал, к примеру). В то же время респонденты остро чувствуют неправомерность использования уничижительных

выражений в отношении других культур (как отмечалось, “locals” (местные) ассоциируется у них с представлениями о туземцах и колониализме).

Политическая нация vs мультикультурность. Общение с представителями других культур, которые наличествуют в Украине (гуцулы, крымские татары и др.) не требует, по мнению части респондентов, какой-либо особой рефлексии и особых навыков: *“А що з ними [гуцулами] спілкуватися, як спілкувалися, так і спілкуємося. Я проїхав Крим, там як спілкуюся, так і спілкуюся”* (L3, м., 19). Нежелание воспринимать представителей других культур (этнических меньшинств) внутри страны как Других со своей интересной историей, традициями, обычаями частично объясняется эффектом привычки, когда то, что доступно, не требует специальных усилий (открытия виз, пересечения границы, изучения языка), не воспринимается как чужое, далекое, экзотическое и заслуживающее особого внимания. Такая позиция более характерна для молодежи, тогда как люди среднего и старшего возраста более чувствительны к культурной дифференциации страны и потенциальной конфликтности ее отдельных регионов:

“Крим — це трохи інше, тому що це інші етноси, в принципі життя”.

“Це не обговорюється, це нервово” (L7, ж., 33; L5., м., 56).

Наличие опыта контактов с другими культурами vs отсутствие опыта.

Сила мотивационных структур межкультурного взаимодействия, как следует из суждений респондентов, зависит от того, имеют ли люди опыт пребывания за границей или нет. Соответственно предполагается, что они по-разному будут отвечать на вопросы данного блока. Не все участники бывали в “дальнем зарубежье”, и для некоторых это остается мечтой, не реализованной пока в силу финансовой недоступности:

“За рубезом не была, но мечтаю поехать. Как-то не складывалось. Ездила в Крым, в Карпатах была, и в Украине, почти во всех регионах. Мечтаю поехать за рубез, но пока не получается” (GP3, ж., 55).

Материальная свобода vs стесненность в средствах. Суждение об условиях шоппинга в другой стране затронуло болезненную тему стесненности в средствах людей, очутившихся за границей. Уровень материального благосостояния большинства граждан невысокий, и поездки за рубеж сопровождаются экономией средств, невозможностью купить желаемые товары и услуги. В то же время, по замечанию работника туристической фирмы, *“наши люди очень быстро за границей узнают, где самые дешевые магазины”* (L9, м., 38), чем подтверждаются хорошие адаптационные и практические способности украинских туристов.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ БЛОК

Восприятие формулировок вопросов¹

ВЕН1 I change my verbal behavior (e.g., accent, tone) when a cross-cultural interaction requires it.

ВЕН2 I use pause and silence differently to suit different cross-cultural situation.

ВЕН3 I vary the rate of my speaking when a cross-cultural situation requires it.

¹ Предлагаемые переводы см. в Приложении В.

ВЕН4 I change my non-verbal behavior when a cross-cultural situation requires it.

ВЕН5 I alter my facial expressions when a cross-cultural interaction requires it.

В поведенческом (behavioral, ВЕН) блоке дискуссию вызвали следующие слова и фразы:

а. Респонденты не уверены, что все детали непосредственного общения, перечисленные в вопросах этого блока, имеют принципиальное значение в межкультурных контактах, во всяком случае, не большее, чем в любой другой ситуации общения (с близкими людьми, представителями своей культуры). Лицо, например, *“меняется в любом общении, независимо от того, с кем общаешься, скажем, со своим братом”*. Скорость речи зависит от психологических и возрастных особенностей человека (*“темперамент имеет значение, возраст”*). Поэтому им не всегда понятны столь подробные вопросы.

б. Некоторым респондентам трудно разделить свое поведение в процессе общения на отдельные операции. В группе “общая публика” с трудом представляют ситуацию, когда требуется различное использование “пауз” и “молчания”. Большинство сходится в том, что уместнее было бы объединить ряд вопросов, касающихся вербального и невербального поведения. Совместить:

— вопросы ВЕН2 и ВЕН3 о вербальном поведении (регуляция пауз/молчания и скорости речи). *“Я можу спілкуватись швидше, повільніше, робити паузи, мовчати, коли це потрібно для кращого взаєморозуміння з представниками іншої культури”* (L8, м., 31);

— вопросы ВЕН4 и ВЕН5 о невербальном поведении (мимика/ жесты и выражение лица, поскольку *“выражение лица — это тоже невербальное поведение”*). Однако здесь обязательно требуется расшифровка “невербального поведения” как мимики и жестов.

с. Некоторые участники предлагают заменить выражение “verbal behaviors” (речевое поведение) более понятным словом “речь” или вообще от него отказаться (*“Я можу змінити інтонацію, акцент, коли це потрібно для взаєморозуміння з представником іншої культури”* — L8, м., 31), а “non-verbal behaviors” (невербальное поведение) заменить выражением “язык жестов”, но это не поддерживается большинством.

д. Респондентам было бы комфортнее воспринимать вопросы этого блока в сослагательном наклонении и вероятностной модальности (не “изменяю свое вербальное поведение”, а “мог бы изменить”, “сподіваюся, міг би змінити”).

е. Выражение “cross-cultural situation” (межкультурная ситуация) требует, по мнению участников, более гибкого использования, в ряде вопросов его можно модифицировать как “ситуация общения с людьми других культур/стран/национальностей”.

Восприятие содержания вопросов

Естественность общения vs искусственность/актерская игра. Вопросы четвертого блока вызвали неприятие прежде всего в группе лидеров. Многие из них указывали на интуитивные, “природные” основания процесса интеракции, ненужность отслеживания темпа речи, интонации и пр. при общении, так как это происходит на подсознательном уровне. (В высказы-

ваниях одного из участников такие выражения, как *“это природно”*, *“это естественный процесс”*, прозвучали в течение дискуссии 11 раз — L5, м., 56).

Контроль над речью, мимикой, жестами ассоциируется у респондентов с игрой актеров, которые держат паузу, говорят быстрее или медленнее, что отвергается большинством как *“неподлинное”*, *“неискреннее”* общение. *“Я думаю, що це якість акторство (всі разом). Я ніколи навіть не пробував, це мабуть актори, це не люди...”* (L8, м., 31). *“Я міняю вираз обличчя, просто я не розумію, для чого це робити”* (L7, ж., 33).

Поведенческая дилемма *“естественного — искусственного”* общения на рефлексивных и стратегических уровнях взаимодействия близка к дихотомии *“политкорректность — аутентичность”*, где достижение когнитивного и эмоционального баланса вполне доступно участникам. В группе лидеров после первоначального конфликта, спровоцированного обсуждением в парламенте закона о языках, участники старались вести себя корректно, избегать конфронтационной лексики, подавлять аутентичные реакции нетерпимости, что стимулировало позитивную групповую динамику. Образ культурного, интеллектуального человека, имеющего активную гражданскую позицию, как представляли себя при знакомстве участники группы лидеров, несовместим с агрессией и нетолерантностью. И респонденты это хорошо понимали, полушутливо оценивая конфликтную ситуацию как пример межкультурной невыдержанности.

Интеллектуальная уверенность vs интеллектуальная уязвимость.

Предполагаемая опросником необходимость мониторинга и контроля своего вербального и невербального поведения вызывает ситуацию когнитивного диссонанса, особенно в группе лидеров. *“Це питання, воно просто штовпирить і ставить тебе... Ти починаєш аналізувати, як ти спілкуєшся і думаєш: о, мабуть, щось я... (стучит по столу пальцами)”* (L7, ж., 33). Требуется разъяснить смысл вопросов для широкой аудитории, уточнить, о макро- или микроуровне межкультурного взаимодействия идет речь.

“У нас, як правило, люди не усвідомлюють, що вони роблять, коли спілкуються невербально, тому для того, щоб от ці питання краще зрозуміли, краще було б навіть конкретизувати, принаймні, написати в дужках якісь конкретні приклади” (L8, м., 31).

“Как бы теперь сделать это не так сухо, а понятно для людей разных уровней, скажем, разного уровня начитанности” (GP5, м., 44).

“Треба показати міжкультурне спілкування якого рівня: між державою, на державному рівні, на приватному, на громадському” (L2, ж., 53).

Отсутствие явного, артикулированного опыта подобных практик и возникающее отсюда ощущение интеллектуальной неполноценности вызывает у части респондентов желание защититься, обвинив авторов опросника в упрощенном подходе или сокрытии *“истинных”* целей исследования, использовании элементов манипулятивных технологий. В то же время участникам-лидерам, по их словам, хотелось бы ощутить востребованность полученного в ходе дискуссии опыта и найти в дальнейшем практическое применение результатам данного исследования.

Здесь же фиксируется и когнитивная дилемма *“процесс познания vs результат познания”*. Отдельные участники пожелали заменить выражения, указывающие на уже имеющийся запас знаний, то есть результат познания

(я изменяю речь, я изменяю невербальное поведение), на выражения, которые отсылают к незавершенности процесса познания (я постигаю речь).

Использование стереотипов vs уход от стереотипов. Многие знания о других культурах стереотипизированы, например представления о скорости речи людей разной национальности. Считается, замечают респонденты, что шведы и финны говорят медленно, а испанцы и итальянцы — быстро. Одновременно наличие подобных стереотипов, их потенциальная обманчивость вполне осознаются. Так, например, просмотр в оригинале фильма “The Godfather” дал возможность участнику понять, что *“на самом деле итальянцы говорят достаточно медленно”* (GP2, м., 18). Тем самым демонстрируются метакогнитивные способности респондентов, которые проверяют и адаптируют свои знания.

Необходимо, по мнению участников, учитывать и ситуацию *мультикультуриности* в пределах одной страны, когда в ней проживают люди разных культур, язык, ритм речи, произношение которых могут отличаться. И это может стать препятствием в межкультурном общении. Например, трудно понять гуцулов, живущих в Украине, или разные диалекты китайского языка, которые может не понять даже коренной китаец.

“Вот у меня племянница, она живет ближе к Мексике, в Америке. И хотя она знала язык, хорошо говорила [по-английски], в начале было трудно понять, когда говорили мексиканцы, потому, что у каждого свой акцент” (L1, ж., 54).

Доминанция в межкультурной ситуации vs зависимость в межкультурной ситуации. Контроль над своей речью и невербальным поведением рассматривается участниками в двух аспектах/ролях: *Гость vs Хозяин*. Уверенная позиция Гостя в межкультурной ситуации предполагает владение языком Другого, желание приспособиться к особенностям ситуации, а также оправданные ожидания, что окружающие окажут необходимую помощь. Иначе может возникать психологическое ощущение зависимости, уязвленности, подчиненности, опасности.

“Когда мы в компании собираемся с друзьями, то с нами в основном англичане, американцы, канадцы. Иногда они забывают, что здесь находятся и украинцы, но кто-то вспоминает и говорит, что нужно не так быстро говорить, тут присутствуют украинцы” (L4, ж., 27).

“Коли ти розумієш, що в іншій країні якийсь з тих жестів, що ти робиш, означає щось інше, ти відразу його змінюєш для того, щоб не влізти у проблеми” (GP2, м., 18).

Вместе с тем на ощущение доминанции/зависимости в межкультурной ситуации могут влиять *психологические характеристики* человека (застенчивость, боязнь насмешек). Одна из участниц приводит пример нежелания говорить на украинском языке в трудовом коллективе из-за насмешек коллег, подчеркивая, что в разной культурной среде к незнанию коренного языка относятся по-разному. *“Когда мы приезжали в Грузию, и скажешь вот там что-то по-грузински, а грузин идет и говорит: скажи еще чего-нибудь. А когда я тут, на работе начинаю что-нибудь говорить по-украински (я проработала 30 лет в одном коллективе), надо мной иногда смеются и говорят “ой”. Я говорю: у меня акцент, и вы этим, наоборот, провоцируете меня говорить только по-русски”* (L1, ж., 54).

Когда же участники принимают на себя роль Хозяина, то иначе трактуют межкультурную ситуацию, пребывая в своей стране, на своей территории. Чувствуется большая степень уверенности, необходимость подстраиваться к Другому трактуется как добрая воля, а не вынужденный шаг. *“А коли я в своїй країні, я веду себе так, як вважаю це за потрібне. Тому що я в своїй країні і говорю на тій мові, на якій я хочу, але пристосовуюсь до іноземців, які не розуміють мене, щоб вони зрозуміли мене. (...) Це питання принципності. Я змінюю чи не змінюю [речевоє поведіння]. Коли я знаю його мову, він мою не знає, то звичайно я її змінюю”* (L3, м., 19).

Несмотря на острую критику поведенческого блока CQS, заявления о непонятности вопросов и их манипулятивном характере, не предполагающим “подлинного общения”, в группе лидеров зафиксирована достаточно высокая степень согласия с предлагаемыми в блоке суждениями (см. Приложение Д).

В целом вариации осей, дифференцирующих пространство, измеряемое CQS, их взаимосвязь с внешними факторами, создающими барьеры восприятия тестовых вопросов, а также с блоками шкалы, представлены в таблице 2.

Поиск эквивалента понятия “культурный интеллект”

В завершение дискуссии участникам было предложено подобрать название для всех тех знаний и умений, которые обсуждались, в виде слова или словосочетания. Варианты сгруппированы в таблице 3.

Респонденты в обеих группах чаще определяют установки на межкультурное взаимодействие в терминах понимания, толерантности, личностного развития, “лидеры” больше подчеркивают роль знания в общении, “общая публика” — уважение к “другим культурам”. И те, и другие делают в межкультурном взаимодействии ставку на взаимное духовное обогащение, человеческие контакты, что подтверждается и словарем личностных качеств, необходимых для плодотворного общения представителей разных культур (см. Приложение Д). Большинство респондентов сходятся на приемлемости такого обобщения знаний и умений в межкультурном взаимодействии, как *“культурное сознание”*, имея в виду когнитивные и эмоциональные его проявления, регуляцию межкультурных практик.

Определение *“культурный интеллект”* ни разу не фигурировало в этой связи. Высказывая, по предложению модератора, свое отношение к этому понятию, участники подчеркивали его невысокую релевантность, поскольку “интеллект” обязывает к высокому уровню знаний, рациональному осмыслению своих действий, что составляет только узкую часть культурных взаимодействий. И не обязательно, по словам респондентов, быть интеллектуалом, будучи культурно-чувствительным человеком.

Адаптация CQS для использования в украинской аудитории

Учитывая замечания респондентов по восприятию вопросов CQS и не искажая при этом измерительный инструмент, а также принимая во внимание особенности перевода с английского языка на русский, предлагаем версию CQS, адаптированную для использования в отечественной аудитории (табл. 4).

Таблица 2

Векторы измерения “культурного интеллекта”

Факторы восприятия CQS	Оси измерения	Индикаторы	Блоки CQS			
			MC	COG	MOT	VEN
1	2	3	4	5	6	7
	Политкорректность vs аутентичность	Знание норм и правил корректного отношения к представителям других культур vs аутентичность, подлинные реакции относительно других культур, связанные с убеждениями, ориентациями, ситуативными эмоциями	x		x	
	Политическая нация vs мультикультурность	Преимущество политической нации, страны как культурной единицы vs видение общества как целого, состоящего из разных этнических, языковых, региональных культур Возрастные различия	x		x	x
ПОЛИТИЧЕСКИЕ/ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ	Универсализм vs этноцентризм	Приоритет общечеловеческих ценностей в отношениях между культурами vs группоцентрированный фаворитизм	x			
	Материальная свобода vs стесненность в средствах	Материальная свобода как реализация мечты о возможности путешествий в другие страны vs недостаток средств как препятствие путешествиям и знакомству с другими культурами Уровень доходов индивида Самооценка материального положения семьи		x	x	
	Наличие опыта контактов с другими культурами vs отсутствие опыта	Связь знаний и уверенности в благоприятном межкультурном взаимодействии с наличием опыта таких взаимодействий vs отсутствие опыта как причина невозможности предсказать ход межкультурного общения и более низкого уровня осведомленности о других культурах		x	x	
	Микроуровень vs макроуровень межкультурного взаимодействия	Проблематичность определения уровня межкультурного взаимодействия по шкале макро–микро		x		x
	Доминанция vs зависимость в межкультурной ситуации	Ощущение себя хозяином ситуации в ходе межкультурного общения при благоприятных обстоятельствах vs ощущение подчиненности и зависимости при неблагоприятных обстоятельствах Уверенный/неуверенный статус				x
СОЦИАЛЬНЫЕ						

1	2	3	4	5	6	7
КУЛЬТУРНЫЕ	Близкие культуры vs далекие культуры	Восприятие культур как близких (более понятных, неопасных) vs как далеких (меньше знаний, вероятность опасности)	x			
	Открытость vs закрытость	Проявление установок открытости (интерес к другим культурам, доброжелательность, дружелюбие) vs проявление установок закрытости, дистанцирования, стереотипизации	x			
	Гуманизм vs прагматизм	Отсылка к универсальным ценностям гуманизма в межкультурном общении vs отсылка к инструментальным ценностям (извлечение пользы из общения)	x			
	Естественность общения vs искусственность, актерская игра	Приоритет естественности, искренности общения vs неприятие технологичности и манипулятивности общения				x
	Использование стереотипов vs уход от стереотипов	Отсылка к стереотипизированным знаниям о других культурах vs осознание потенциальной обманчивости и упрощенности стереотипизированных знаний	x			
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ	Интровертность vs экстравертность	Учет психологических характеристик: интроверты испытывают трудности в общении как таковом vs экстравертам легче наладить общение с другим человеком			x	
	Страх перед общением vs смелость в общении	Наличие страха перед общением vs смелость в установлении контактов с незнакомыми людьми			x	
	Жесткая стилистика vs мягкая стилистика	Отказ от категоричных утверждений, связанных с уверенностью в благоприятном исходе межкультурного взаимодействия, стремление смягчить формулировки			x	
	Интеллектуальная уверенность vs интеллектуальная уязвимость	Противоречие между уверенностью в своих интеллектуальных способностях и отсутствием опыта рефлексии деталей вербального и невербального общения				x
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ	Объективность vs субъективность	Акцентирование неспособности методики измерить объективный объем знаний vs акцентирование направленности методики на измерение установок		x		
	Конкретное vs обобщенное	Желание конкретизировать общие формулировки vs неприятие размытости, обобщенности, усложненности терминов теста		x		
	Процесс познания vs результат познания	Выделение познания как незавершенного процесса vs неприятие указаний на имеющийся объем знаний как результат познания		x		
	Рефлексия vs автоматизм реакций	Отрицание важности рационального контроля в межкультурной ситуации vs акцент на преимуществе интуитивности и естественности взаимодействий	x			

Знания и умения, ассоциирующиеся с понятием “культурный интеллект”

ГРУППА “ОБЩАЯ ПУБЛИКА”	ГРУППА “ЛИДЕРЫ”
ПОНИМАНИЕ	ПОНИМАНИЕ
Желание понять другую культуру	Взаєморозуміння
Взаимопонимание между людьми	Розуміння націй
Межкультурное понимание	
Межкультурное взаимопонимание	ОБЩЕНИЕ
	Міжкультурне спілкування
	Культурне спілкування
	Спілкування націй
	Спілкування з іноземцями
	Майстерність спілкування
	Талант общения
ТОЛЕРАНТНОСТЬ	ТОЛЕРАНТНОСТЬ
Толерантность	Толерантность
Умение принимать во внимание особенности других культур	Культурная толерантность
Желание учитывать особенности других культур	Терпимість
Уважение к другой культуре	
Межкультурное уважение	
ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ	ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ
Саморазвитие	Вихованість
Интерес	Культурність
Культурная открытость	Комунікативність
Межкультурная открытость	Общительность
Гибкость	
Культурная гибкость	
ЗНАНИЕ И ОПЫТ	ЗНАНИЕ И ОПЫТ
Культурный обмен	Культурний обмен
Межкультурные знания	Культурний досвід
	Мультикультурність
	Багатокультурність
	Багатовекторність
	Интегративность
	Культурні зв'язки
КУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ	КУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ
“Лучше, чем культурный интеллект, культурна свідомість”	“Культурна свідомість — дуже гарно”
	“...більш відповідає суті”
	“Свідомість — це доступніше на побутовому рівні, ніж інтелект”

Таблица 4

Перевод теста CQS для использования в отечественной аудитории

Оригинал	Перевод на русский язык
MC1 I am conscious of the cultural knowledge I use when interacting with people with different cultural backgrounds.	MC1 При общении с людьми из другой культурной среды я осознанно использую знания особенностей их культуры.
MC2 I adjust my cultural knowledge as I interact with people from a culture that is unfamiliar to me.	MC2 При общении с людьми незнакомой мне культуры я приспосабливаю свои культурные представления.
MC3 I am conscious of the cultural knowledge I apply to cross-cultural interactions.	MC3 В межкультурном общении я осознанно применяю знания о других культурах.
MC4 I check the accuracy of my cultural knowledge as I interact with people from different cultures.	MC4 При общении с людьми других культур я проверяю и уточняю свои культурные знания.
COG1 I know the legal and economic systems of other cultures.	COG1 Мне известны особенности правовых и экономических систем других культур.
COG2 I know the rules (e.g., vocabulary, grammar) of other languages.	COG2 Мне известны основы (лексика, грамматика) других языков.
COG3 I know the cultural values and religious beliefs of other cultures.	COG3 Мне известны культурные ценности и религиозные убеждения других культур.
COG4 I know the marriage systems of other cultures.	COG4 Мне известны особенности семейных и брачных отношений других культур.
COG5 I know the arts and crafts of other cultures.	COG5 Мне известны искусства и ремесла других культур.
COG6 I know the rules for expressing non-verbal behaviors in other cultures.	COG6 Мне известны правила невербального общения (мимика, жесты и т.д.) в других культурах.
MOT1 I enjoy interacting with people from different cultures.	MOT1 Мне нравится общаться с людьми разных культур.
MOT2 I am confident that I can socialize with locals in a culture that is unfamiliar to me.	MOT2 Я уверен, что смогу общаться с местными жителями – представителями новой для меня культуры.
MOT3 I am sure I can deal with the stresses of adjusting to a culture that is new to me.	MOT3 Я уверен, что могу справиться со стрессами, приспосабливаясь к новой для меня культуре.
MOT4 I enjoy living in cultures that are unfamiliar to me.	MOT4 Мне нравится жить в незнакомой для меня культурной среде.
MOT5 I am confident that I can get accustomed to the shopping conditions in a different culture.	MOT5 Я уверен, что могу привыкнуть к правилам совершения покупок, принятым в другой культуре.
VEN1 I change my verbal behavior (e.g., accent, tone) when a cross-cultural interaction requires it.	VEN1 При общении с людьми другой культуры я изменяю свою речь (произношение, интонацию), когда это необходимо.
VEN2 I use pause and silence differently to suit different cross-cultural situations.	VEN2 Я использую паузы и молчание по-разному в зависимости от разных межкультурных ситуаций.
VEN3 I vary the rate of my speaking when a cross-cultural situation requires it.	VEN3 Я говорю быстрее или медленнее, когда этого требует общение с людьми других культур.
VEN4 I change my non-verbal behavior when a cross-cultural situation requires it.	VEN4 Я изменяю свое невербальное поведение (жесты, соблюдение дистанции между людьми), когда этого требует межкультурная ситуация.
VEN5 I alter my facial expression when a cross-cultural interaction requires it.	VEN5 Я меняю выражение лица, когда этого требует межкультурная ситуация.

Выводы

Анализ фокус-групповых дискуссий позволяет прийти к следующим констатациям относительно особенностей восприятия CQS украинской аудиторией, установить барьеры такого восприятия, а также специфику установок жителей Украины в отношении межкультурного взаимодействия. Важность и актуальность темы исследования признавалась всеми участниками.

1. На восприятие респондентами той версии представления межкультурной компетентности, которая предлагается “Шкалой культурного интеллекта”, оказывает воздействие ряд факторов политико-идеологического, социального, культурного, психологического, гносеологического свойства, порождая как стимулы, так и барьеры для активного участия в исследовании и демонстрации своих межкультурных предрасположенностей и практик. Факторы действуют разносторонне, могут задавать особые ценностные дихотомии, полюса которых служат для респондентов ориентирами в межкультурном общении и неординарным образом влияют на конфигурации интеллектуальных пространств, артикулируемых отдельными блоками CQS.

2. Барьеры, препятствующие лояльному восприятию опросника, имеют смешанную природу, основанную на психологических, когнитивных, культурных реакциях. К основным побудителям неприятия CQS участниками можно отнести:

- *Принуждение к рациональному действию*, что вызывает внутреннее противодействие респондентов, обусловленное отсутствием у них явного и осмысленного опыта рефлексии в отношении своего поведения в межкультурных ситуациях, когнитивным диссонансом, который вызывается предполагаемым требованием CQS (в метакогнитивном и когнитивном блоках) отслеживать свои реакции и действия, общаясь с людьми. В то же время описание респондентами своего межкультурного опыта свидетельствует об активном использовании ими самых разных метакогнитивных практик, о которых, следуя нормам “постижения культуры”, не принято говорить публично.
- *Подавление естественных реакций*, что, по мнению респондентов, предполагает транслируемый CQS образ межкультурного взаимодействия (особенно в поведенческом блоке), который противоречит их представлениям о преобладании автоматизмов в непосредственном общении людей. Идея контроля над собственным вербальным и невербальным поведением воспринимается в украинской аудитории как близкая к технологиям манипуляции в общении, не согласуется с декларируемыми традиционными утверждениями о главенстве таких человеческих качеств, как дружелюбие, открытость, искренность, в установлении контакта с представителями других культур. Помимо психологического неприятия “технологизма” в общении барьеры такого рода поддерживаются распространенными декларативными ценностями гуманизма, понимания, подлинного общения, которое ведет ко взаимному духовному обогащению в противовес прагматическим ориентациям на полезность межкультурных контактов, рациональному продумыванию стратегии и тактики обще-

ния для достижения нужных эффектов, использование собеседника в своих целях.

- *Необходимость критической самооценки* своих знаний о других культурах, опасение почувствовать свою интеллектуальную уязвимость из-за невозможности достичь того уровня знания, который предполагается максимумом шкалы когнитивного блока (“абсолютное знание всех правил всех культур”). Это же касается метакогнитивного и мотивационного блоков, где полное согласие с тестовыми утверждениями означало бы абсолютную уверенность в суждениях по поводу самых разных культур. Опасения проявить самонадеянность или невежество, нежелание брать на себя ответственность за установление неких “объективных” критериев знаний и умений побуждают участников обращаться к пассивным языковым конструкциям (“мне известно” вместо “я знаю”), сослагательным формам (“мне понравилось бы” вместо “мне нравится”), вероятностной модальности суждений (“я мог бы изменить” вместо “я изменяю”).
- *Терминологическое давление*, плотная насыщенность опросника CQS обобщающими концептами (“межкультурное взаимодействие”, “межкультурная ситуация”, “другие культуры”), которые не всегда понятны участникам, требует, по их мнению, конкретизации в ряде случаев, расшифровки, так как создает препятствие для адекватного восприятия вопросов, особенно для людей с невысоким уровнем образования и старшего возраста. Вследствие высокой терминологичности опросника часто становится непонятно, о каком уровне межкультурных взаимодействий идет речь — взаимодействию стран и народов или непосредственном человеческом общении.
- *Ущемление социального статуса* определенной части публики — ряд суждений CQS (особенно мотивационного блока) апеллирует к личному опыту путешествий, поездок в другие страны, совершению там покупок, что из-за невысокого материального положения для значительной части населения Украины является невозможным, остается в сфере желаемого.

3. В целом участники демонстрируют достаточно позитивное отношение к другим культурам и их представителям, хотели бы получить больше опыта межкультурного общения. Установки украинской аудитории на межкультурное взаимодействие формируются в условиях популяризации современных требований политкорректности, толерантного отношения к любым народам и культурам. В то же время дают о себе знать и устойчивые стереотипы этноцентризма, этнофаворитизма, дискриминации культур на “близкие” и “далекие”, иерархизированной картины межкультурного мира, групповой конформности, что иногда препятствует участникам применять одинаковые критерии оценки своих знаний и поведения в ситуациях, предлагаемых CQS.

Поскольку понятие “другие культуры” ассоциируется в представлении участников скорее с культурами других стран; проблемы мультикультурности в Украине, понимание особенностей культуры этнических, регио-

нальных, языковых меньшинств, важность контактов с их представителями уходят на периферию внимания столичной, киевской аудитории.

4. Определенные барьеры лояльному восприятию CQS создаются также под воздействием *идеологического контекста и политической ситуации*, характерной для Украины как трансформирующегося общества, где дискуссии о национальной идентичности достаточно остры и противопоставление “украинского” и “российского” активно культивируется политическими силами накануне парламентских выборов (октябрь 2012). Эти влияния особенно заметны в группе “лидеров”, которые работают в неправительственных структурах и активно заявляют о своей гражданской позиции.

Участники-“лидеры” проявили наибольшую критичность в отношении опросника CQS. Им хотелось понять предполагаемые практические результаты исследования, его применимость на практике, в развитии “гражданского общества”. Такая реакция отчасти свидетельствует о готовности “лидеров” глубже понять предлагаемую CQS концепцию “кросс-культурного интеллекта” (хотя сам концепт они отвергают, считая его лишь частью “культурного сознания”), что, возможно, уместно осуществить в рамках специальных тренингов.

5. Несмотря на возникновение разного рода барьеров в восприятии и оценке опросника, тестирование CQS в украинской аудитории показало, тем не менее, достаточно наглядную способность шкалы дискриминировать малую выборку, сегментируя пространство “культурного интеллекта” на разные стили (Pragmatic & behavioral style, Projective style, Value & cultural style) и дифференцируя показатели группы “лидеров” и “общей публики”.

Фокус-групповые дискуссии показали целесообразность определенной адаптации CQS применительно к украинской аудитории — уточнения отдельных понятий, некоторого смягчения категоричных суждений, использования приемлемых для русского и украинского языка вербальных конструкций без нарушения целостности измерительного инструмента.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

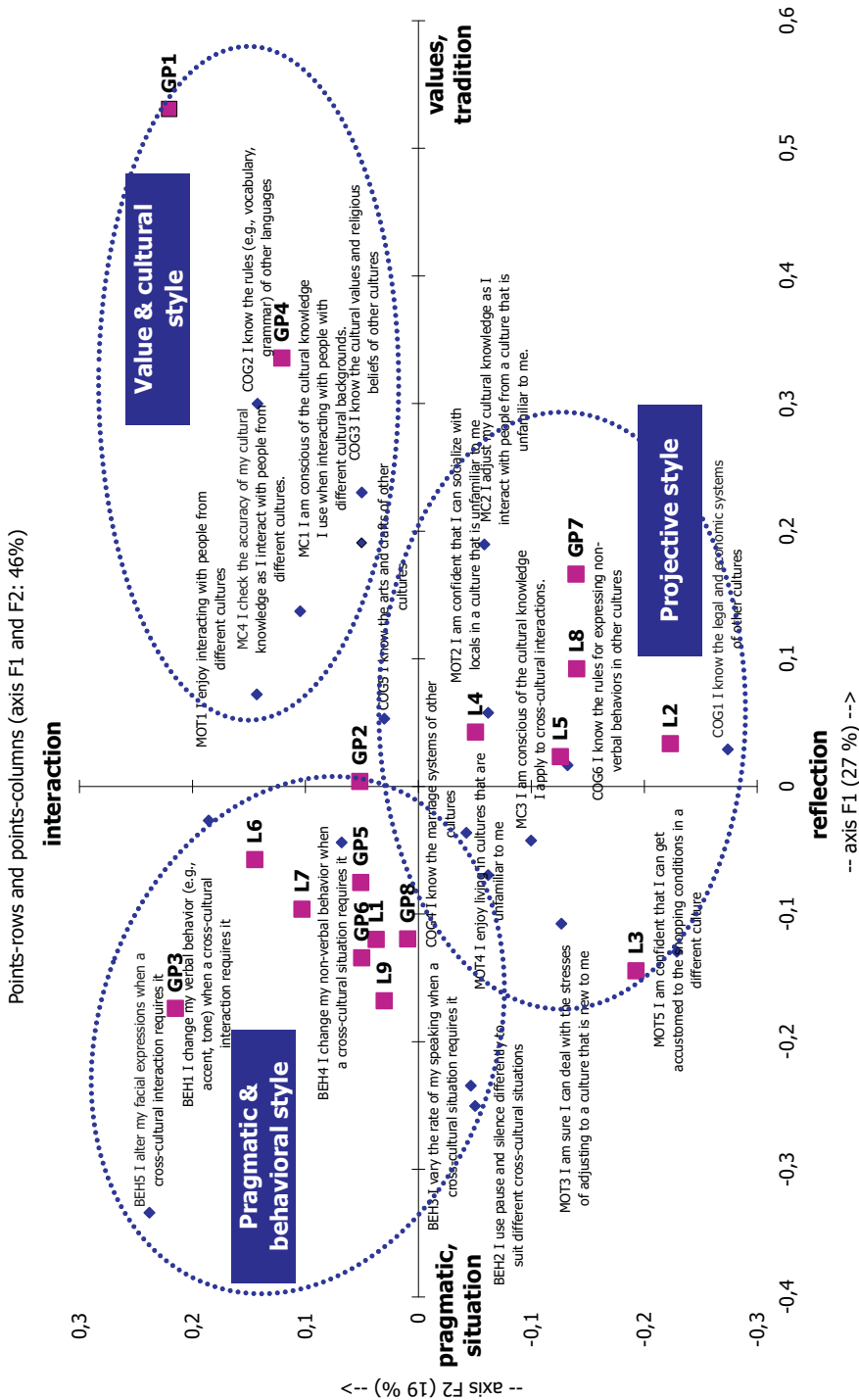

Рис. 1. Сегментация пространства "культурного интеллекта" (correspondence analysis)

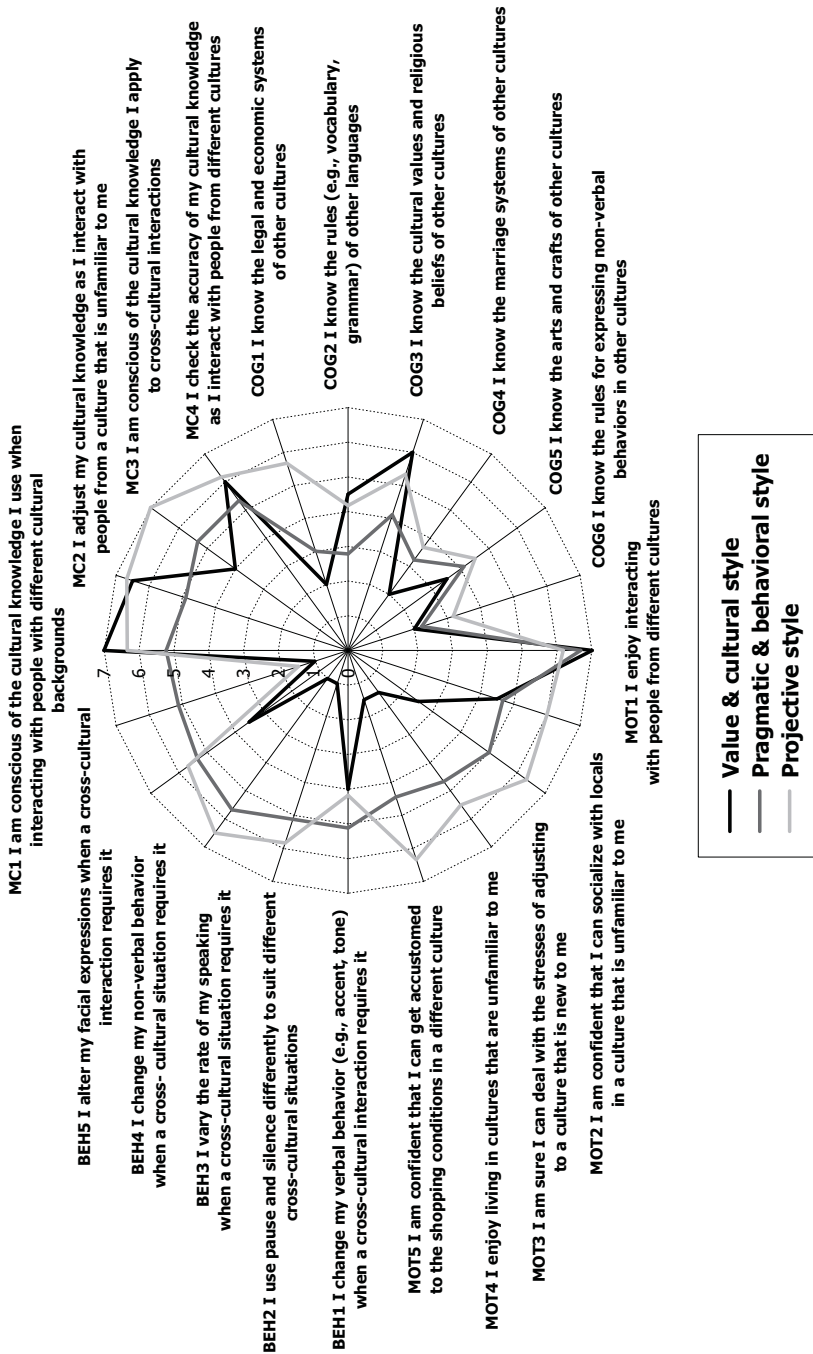

Рис. 2. Профиль сегментов "культурного интеллекта" (means)

Приложение В**Формулировки шкалы культурного интеллекта,
используемые при тестировании в фокус-групповом исследовании**

Оригинал шкалы	Перевод на украинский язык	Перевод на русский язык
MC1 I am conscious of the cultural knowledge I use when interacting with people with different cultural backgrounds	MC1 Я свідомо використовую свої культурні знання, коли спілкуюся з людьми інших культур	MC1 Я осознанно использую свои культурные знания, когда общаюсь с людьми других культур
MC2 I adjust my cultural knowledge as I interact with people from a culture that is unfamiliar to me	MC2 Я адаптую свої культурні знання, коли спілкуюся з людьми культури, що мені незнайома	MC2 Я адаптирую свои культурные знания, когда общаюсь с людьми незнакомой мне культуры
MC3 I am conscious of the cultural knowledge I apply to cross-cultural interactions	MC3 Я свідомо використовую знання про інші культури в міжкультурному спілкуванні	MC3 Я осознанно использую знания о других культурах в межкультурном общении
MC4 I check the accuracy of my cultural knowledge as I interact with people from different cultures	MC4 Я перевіряю точність своїх культурних знань в процесі взаємодії з людьми інших культур	MC4 Я проверяю точность своих культурных знаний в процессе взаимодействия с людьми других культур
COG1 I know the legal and economic systems of other cultures	COG1 Я знаю правові та економічні системи інших культур	COG1 Я знаю правовые и экономические системы других культур
COG2 I know the rules (e.g., vocabulary, grammar) of other languages	COG2 Я знаю правила (наприклад, лексику, граматику) інших мов	COG2 Я знаю правила (например, лексику, грамматику) других языков
COG3 I know the cultural values and religious beliefs of other cultures	COG3 Я знаю культурні цінності та релігійні переконання інших культур	COG3 Я знаю культурные ценности и религиозные убеждения других культур
COG4 I know the marriage systems of other cultures	COG4 Я знаю правила шлюбних систем інших культур	COG4 Я знаю правила брачных систем других культур
COG5 I know the arts and crafts of other cultures	COG5 Я знаю мистецтва і ремесла інших культур	COG5 Я знаю искусства и ремесла других культур
COG6 I know the rules for expressing non-verbal behaviors in other cultures	COG6 Я знаю правила невербального спілкування в інших культурах	COG6 Я знаю правила невербального общения в других культурах
MOT1 I enjoy interacting with people from different cultures	MOT1 Мені подобається спілкуватися з людьми різних культур	MOT1 Мне нравится общаться с людьми разных культур
MOT2 I am confident that I can socialize with locals in a culture that is unfamiliar to me	MOT2 Я впевнений, що можу спілкуватися з місцевими жителями культури, що мені незнайома	MOT2 Я уверен, что могу общаться с местными жителями незнакомой мне культуры

Окончание приложения В

Оригинал шкалы	Перевод на украинский язык	Перевод на русский язык
MOT3 I am sure I can deal with the stresses of adjusting to a culture that is new to me	MOT3 Я впевнений, що можу впоратися зі стресами, коли потрібно пристосуватися до нової для мене культури	MOT3 Я уверен, что могу справиться со стрессами, когда нужно приспособиться к новой для меня культуре
MOT4 I enjoy living in cultures that are unfamiliar to me	MOT4 Мені подобається жити у культурному середовищі, що мені незнайоме	MOT4 Мне нравится жить в незнакомой для меня культурной среде
MOT5 I am confident that I can get accustomed to the shopping conditions in a different culture	MOT5 Я впевнений, що можу звикнути до правил торгових відносин в іншій культурі	MOT5 Я уверен, что могу привыкнуть к правилам торговых отношений в другой культуре
ВЕН1 I change my verbal behavior (e.g., accent, tone) when a cross-cultural interaction requires it	ВЕН1 Я можу змінювати свою мовну поведінку (наприклад, акцент, інтонацію), коли цього вимагає міжкультурне спілкування	ВЕН1 Я могу изменять свое речевое поведение (например, акцент, интонацию), когда этого требует межкультурное общение
ВЕН2 I use pause and silence differently to suit different cross-cultural situations	ВЕН2 Я по-різному використовую паузи і мовчання залежно від різних міжкультурних ситуацій	ВЕН2 Я по-разному использую паузы и молчание в зависимости от разных межкультурных ситуаций
ВЕН3 I vary the rate of my speaking when a cross-cultural situation requires it	ВЕН3 Я говорю швидше або повільніше, коли цього вимагає міжкультурна ситуація	ВЕН3 Я говорю быстрее или медленнее, когда этого требует межкультурная ситуация
ВЕН4 I change my non-verbal behavior when a cross-cultural situation requires it	ВЕН4 Я змінюю свою невербальну поведінку, коли цього вимагає міжкультурна ситуація	ВЕН4 Я изменяю свое невербальное поведение, когда этого требует межкультурная ситуация
ВЕН5 I alter my facial expression when a cross-cultural interaction requires it	ВЕН5 Я міняю вираз обличчя, коли цього вимагає міжкультурна взаємодія	ВЕН5 Я меняю выражение лица, когда этого требует межкультурное взаимодействие

Матрица заполнения QoS участниками фокус-групп

Суждения	GP1	GP2	GP3	GP4	GP5	GP6	GP7	GP8	L1	L2	L3	L4	L5	L6	L7	L8	L9	means
MC1 I am conscious of the cultural knowledge I use when interacting with people with different cultural backgrounds.	7	3	4	7	5	7	7	7	7	7	4	6	7	7	3	7	4	5,82
MC2 I adjust my cultural knowledge as I interact with people from a culture that is unfamiliar to me.	7	3	1	6	6	6	7	7	7	7	6	6	7	6	4	7	4	5,71
MC3 I am conscious of the cultural knowledge I apply to cross-cultural interactions.	1	4	4	7	6	7	7	7	7	7	7	7	7	6	2	7	5	5,76
MC4 I check the accuracy of my cultural knowledge as I interact with people from different cultures.	5	5	7	7	5	7	7	4	7	7	2	7	7	5	4	7	4	5,71
COG1 I know the legal and economic systems of other cultures	2	5	1	2	4	4	5	2	3	5	7	5	5	3	2	7	3	3,82
COG2 I know the rules (e.g., vocabulary, grammar) of other languages	5	4	4	4	2	2	4	1	3	3	3	6	5	6	2	4	1	3,47
COG3 I know the cultural values and religious beliefs of other cultures	6	6	4	6	5	4	5	5	1	6	5	5	4	5	3	7	4	4,76
COG4 I know the marriage systems of other cultures	1	5	2	3	3	2	3	3	3	5	3	4	4	5	2	3	4	3,24
COG5 I know the arts and crafts of other cultures	2	4	4	5	6	2	4	5	5	6	2	4	4	5	3	7	3	4,18
COG6 I know the rules for expressing non-verbal behaviors in other cultures	1	3	3	3	2	2	3	4	1	6	3	3	0	0	2	4	3	2,53

Суждения	GP1	GP2	GP3	GP4	GP5	GP6	GP7	GP8	L1	L2	L3	L4	L5	L6	L7	L8	L9	means
MOT1 I enjoy interacting with people from different cultures	7	6	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	2	6	7	7	6	6,53
MOT2 I am confident that I can socialize with locals in a culture that is unfamiliar to me	4	5	3	5	4	5	4	7	6	7	5	6	7	3	5	7	4	5,12
MOT3 I am sure I can deal with the stresses of adjusting to a culture that is new to me	1	6	3	4	4	6	4	6	7	7	7	6	7	6	3	7	4	5,18
MOT4 I enjoy living in cultures that are unfamiliar to me	1	6	4	2	2	6	6	5	6	7	1	6	6	5	4	7	4	4,59
MOT5 I am confident that I can get accustomed to the shopping conditions in a different culture	1	3	2	2	3	6	7	6	7	7	7	5	5	4	4	7	5	4,76
BEH1 I change my verbal behavior (e.g., accent, tone) when a cross-cultural interaction requires it	1	6	6	7	5	6	5	6	5	1	2	5	6	5	3	6	4	4,65
BEH2 I use pause and silence differently to suit different cross-cultural situations	1	2	6	1	7	6	4	6	5	7	7	6	7	6	4	4	4	4,88
BEH3 I vary the rate of my speaking when a cross-cultural situation requires it	1	4	7	1	7	6	4	7	5	7	7	7	7	6	4	7	5	5,41
BEH4 I change my non-verbal behavior when a cross-cultural situation requires it	4	5	6	3	4	6	4	7	5	5	5	7	6	6	4	7	5	5,24
BEH5 I alter my facial expressions when a cross-cultural interaction requires it	1	4	6	1	4	6	0	5	6	1	4	2	1	6	4	1	5	3,35

Приложение D

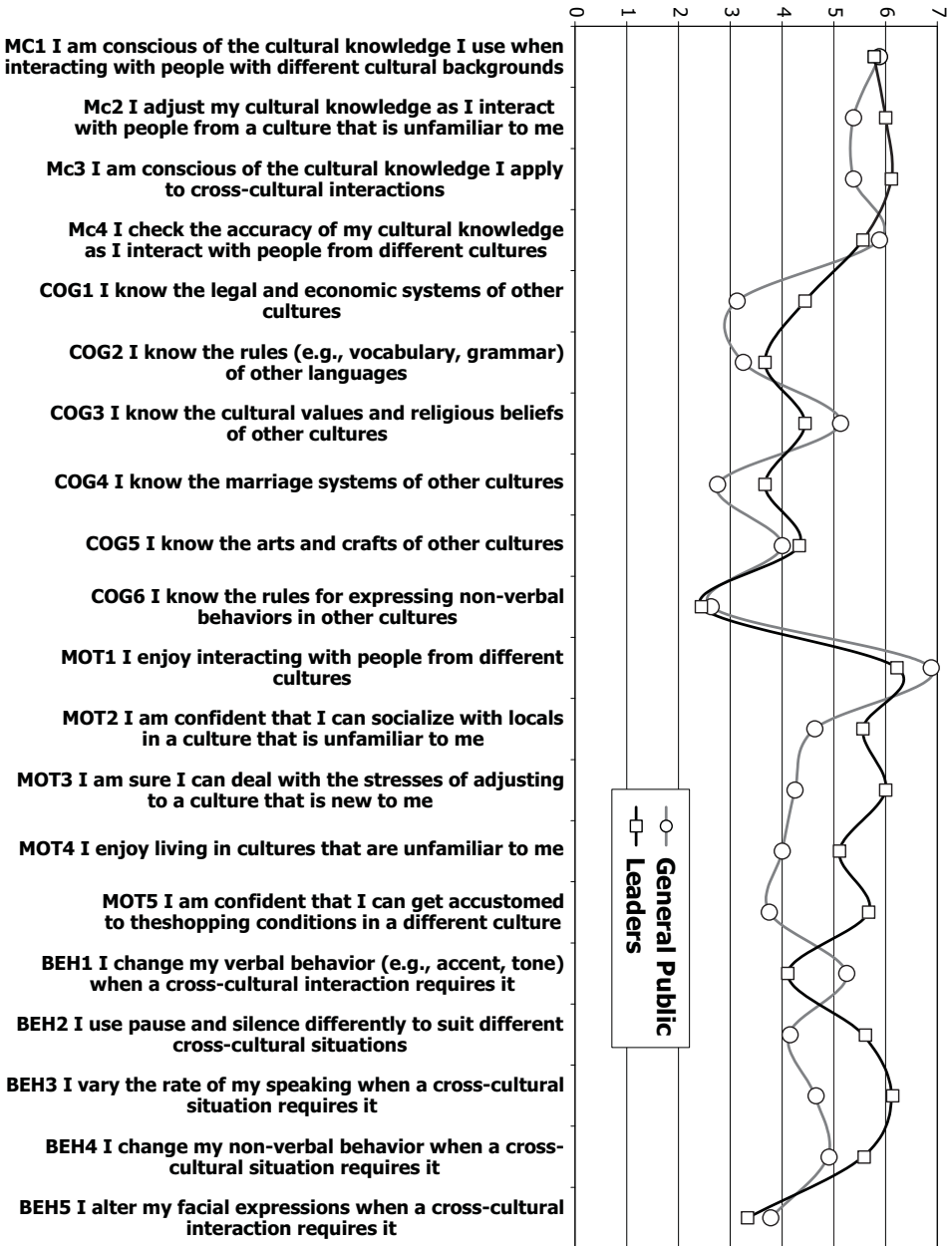

Рис. 3. Профиль культурного интеллекта групп "лидеров" и "общая публика" (means)

Приложение E**Словарь индивидуальных качеств и практик,
необходимых в межкультурном взаимодействии**

Качества, необходимые для межкультурного общения	Действия, тактики, необходимые и применяемые в межкультурном общении
взаимопонимание	быть внимательным (ушки на макушке)
изысканность	вести себя адекватно ситуации
готовность прийти на помощь	выслушать другого
грамотность	догадываться по внешним признакам, что у тебя спрашивают на незнакомом языке
доброжелательность	если не удастся объясниться словами, можно и на бумажке что-то нарисовать
доброта	использовали в общении общекультурный запас знаний (из музыки, спорта, архитектуры той страны, с представителями которой общались)
душевность	меняешь свой образ, лицо
желание нормально общаться	найти мягкий подход
желание узнать что-то новое от других	не навязывать свою точку зрения (со своим уставом в чужой дом не ходят)
заинтересованность	не считать другого оппонентом
искренность	нужно улыбаться
любезность	обнимались
мудрость	откликаться на просьбу о помощи
настойчивость в достижении взаимопонимания	относиться к другому, как к себе
осознание, что не только ты один, не только твоя культура единственная	относиться к другому также хорошо, как хотелось бы, чтобы относились к тебе
отзывчивость	подстраиваться под другого
открытость	подучить язык, стараясь сделать приятное гостю
понимание друг друга	помнить, что другой — не хуже тебя
порядочность	присматриваемся
с интересом относиться к людям	разговаривать, не стесняясь, что недостаточно хорошо знаешь язык
стремление понять другого	стараться наладить диалог
толерантность	стараться понять собеседника
уважение к другому	стараться сказать какие-то фразы на языке собеседника, чтобы сделать ему приятное
уважение к местным	стараюсь действовать так, как хозяева
человечность	стремиться помочь
благородство	угождать людям
	угостить той едой, которая соответствует культурным традициям гостей
	улавливать интонацию, не зная языка
	улавливать нюансы
	устраивали застолье
	чувствовать другого

Источники

- Буко С.* Прагматические и гуманитарные ценности современного менеджмента / С. Буко // Соціальні виміри суспільства. — К. : ІС НАНУ, 2006. — С. 336–350.
- Медіа. Демократія. Культура / за ред. Н. Костенко, А. Ручки. — К. : ІС НАНУ, 2008.
- Соціокультурні ідентичності та практики / за ред. А. Ручки. — К. : ІС НАНУ, 2002.
- Субкультурна варіативність українського соціуму / за ред. Н. Костенко, А. Ручки. — К. : ІС НАНУ, 2010.
- Хофстеде Г. Организационная культура / Г. Хофстеде // Управление человеческими ресурсами / под ред. М. Пула, М. Уорнера. — СПб. : Питер, 2002.
- Хухлаев О.Е.* Кросс-культурный интеллект: на пути к интеграции когнитивного и социально-психологического подхода к межкультурной коммуникации / О.Е. Хухлаев // Этнопсихология: вопросы теории и практики. — М. : Моск. город. психол.-пед. ун-т, 2010. — С. 76–78.
- Якісні дослідження в соціологічних практиках : навч. посіб. / за ред. Н. Костенко, Л. Скокової. — К. : ІС НАНУ, 2009.
- Ang S.* Definition, distinctiveness and nomological network // S. Ang, L. Van Dyne (Eds.). Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and application. — Armonk; New York : M.E. Sharpe, Inc., 2008. — P. 3–15.
- Ang S.* Cultural intelligence / Ang S., Van Dyne L., Tan M.L. // Cambridge Handbook on Intelligence / R.J. Sternberg, S.B. Kaufman (eds.). — New York : Cambridge Press, 2011. — P. 582–602.
- Barnes J.* Through the looking glass: do western leadership assessments work in cross-cultural contexts? [Electronic resource] / J. Barnes, B. Johnson, S. Buko, N. Kostenko. — Access mode : <http://www.ila-net.org/Conferences/2012/Program3.asp?ProgramDBID=76>.
- Goh J.* “Parallel leadership in an “unparallel” world” — cultural constraints on the transferability of Western educational leadership theories across cultures / J. Goh // International Journal of Leadership in Education. — 2009. — № 12 (4). — P. 319–345.
- House R.J.* Culture, leadership, and organizations: The GLOBE study of 62 societies / R.J. House, P.J. Hanges, M. Javidan, P.W. Dorfman, V. Gupta // Journal of Cross-Cultural Psychology. — 2004. — № 36 (5). — P. 628–630.
- Livermore D.* Leading with cultural intelligence : the new secret to success / Livermore D. — New York : AMACOM, 2010.
- Van Dyne L. Development and validation of the CQS: The cultural intelligence scale / L. Van Dyne, S. Ang, C. Koh // Handbook of cultural intelligence: Theory, measurement, and application / S. Ang, L. Van Dyne (Eds.). — Armonk; New York : M.E. Sharpe, Inc., 2008. — P. 16–38.